

УДК 908

UDC 908

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО
ДУХОВЕНСТВО КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА****THE ACTIVITY OF THE ORTHODOX CLERGY
OF THE KUBAN COSSACKS IN THE EARLY
TWENTIETH CENTURY**

Горожанина Марина Юрьевна,
Кандидат исторических наук, доцент
РИНЦ SPIN – код [3917-0710](#)
*Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия*

Gorozhanina Marina Yurevna
Cand.Hist.Sci., assistant professor
RSCI SPIN-code [3917-0710](#)
Kuban State University, Krasnodar, Russia

В современных условиях политической нестабильности особенно важно обращение к историческому опыту. Рассмотрение деятельности православного духовенства в начале двадцатого века, с одной стороны, позволяет оценить его роль в жизни русского общества, с другой проследить взаимосвязь между духовным кризисом и усилением революционных настроений в России. В данной работе впервые дается комплексный анализ взаимоотношения кубанского общества и духовенства в начале двадцатого века, особо обращается внимание на факторы, сыгравшие важную роль в росте антицерковных настроений. В статье рассматривается вклад священников в культуру Кубани, особое место занимает освещение просветительской деятельности и благотворительности. В исследовании акцентируется внимание на разнородном составе кубанского духовенства, что нашло отражение в их разном социальном и в материальном статусе. Все это стало одной из причин наличия трех течений в рядах кубанского священства. Незадолго до революции часть кубанского церковного клира выступала за кардинальные перемены в жизни Церкви, другие были сторонниками умеренных реформ, третьи были противниками всяческих перемен. На основе анализа архивных документов в статье выделяется специфика в положении православного духовенства Кубани от других регионов России. В статье убедительно доказывается, что авторитет РПЦ здесь был значительно выше, что нашло отражение в уровне нравственного развития общества. В отличие от центральных губерний духовный кризис был здесь значительно слабее, менее всего его влиянию были подвержены казаки. Все это способствовало сохранению монархических настроений и среди большей части жителей Кубани. Поэтому весть о свержении монарха, установление Советской власти здесь была воспринята большинством крайне негативно.

In modern conditions of political instability the appeal to historical experience is especially important. Consideration of activity of orthodox clergy at the beginning of the twentieth century, on the one hand, allows estimating its role at lives of the Russian society, with another to track interrelation between spiritual crises and strengthening of revolutionary moods in Russia. In this work the complex analysis of relationship of the Kuban society and clergy at the beginning of the twentieth century for the first time is given, special attention is paid to the factors that played an important role in the growth of anti-clerical sentiment. In the article the contribution of priests to culture of Kuban is considered as well. It occupies a special place coverage outreach and philanthropy. In the research, the attention is focused on diverse structure of the Kuban clergy that found reflection in their miscellaneous social and in the material status. All of this has contributed to the presence of three movements in the ranks of the priesthood of the Kuban. Shortly before revolution the part of the Kuban church clergy supported cardinal changes in life of Church, others were supporters of moderate reforms, the third were opponents of all changes. Based on the analysis of archival documents in an article released in the specifics of the position of the Orthodox clergy Kuban from other regions of Russia. In this article it is convincingly proved that the authority of Russian Orthodox Church was much higher here that found reflection levels of moral development of society. Unlike the central provinces spiritual crisis was much weaker here; less all Cossacks were subject to its influence. All this promoted preservation of monarchic moods and among the most part of residents of Kuban. Therefore, the news of the overthrow of the monarchy, the establishment of Soviet power there was perceived negatively by the majority of inhabitants.

Ключевые слова: КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО,
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ,
РЕВОЛЮЦИЯ, ВОЙСКОВОЕ ДУХОВЕНСТВО,
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Keywords: KUBAN COSSACKS, RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH, REVOLUTION, MILITARY
CLERGY, ACTIVITY

Современная Россия мало чем похожа на монархическую Русь начала прошлого столетия, иные условия жизни, иная политическая система, идеология и режим. Вместе с тем проблемы, стоящие сегодня перед российским обществом, во многом созвучны тем вопросам, которые решала Россия в начале XX века. Сегодня, как и сто лет назад, актуально духовное возрождение нации, ее консолидация, выбор генерального курса дальнейшего развития страны. В связи с чем, вновь злободневна проблема взаимоотношения Церкви и государства, определения роли и места православия в жизни российского общества.

Общероссийские проблемы наиболее хорошо просматриваются сквозь призму регионального подхода.

К началу XX века, православие в России имело два статуса. С одной стороны эта была самая многочисленная религиозная конфессия, с другой в результате целенаправленной многовековой политики, проводимой монархической властью православие выполняло функцию государственной идеологии. Не случайно все политические теории России носили православный акцент.

На положение православного духовенства Кубани, как и всей России, заметное влияние оказали четыре фактора:

1. духовный – определяющий степень нравственного состояния общества;
2. экономический неразрывно связанный с материальным положением;
3. социальный, обозначающий социальный статус духовенства в сословной иерархии;
4. политический, представленный политическими пристрастиями и симпатиями церковнослужителей.

Негативные последствия церковной реформы Петра I, приведшие к подчинению Церкви государству с особой силой проявились с наступлением XX века. К этому времени, Церковь как институт

переживала сильный внутренний кризис, ростки которого наметились еще в 40 – 50-е гг. XIX в. Среди комплекса проблем особо выделялось две: экономическая и духовная.

Нерешенность вопроса о материальном обеспечении церковнослужителей негативно отражалась не только на их положении, но и на позициях Православной Церкви. Отсутствие государственного жалования у духовенства, существование лишь за счет совершаемых треб, да земельного участка, с одной стороны создавали зависимость пастора от своего прихода, с другой превращали его в обычного земледельца. Постоянная материальная нужда заставляли служителей Церкви больше заботиться не о духовной пищи, а о поисках пропитания для себя и своих домочадцев, из-за чего страдало качество богослужения. Не имея свободного времени на самообразование, священник постепенно деградировал в своем развитии и зачастую мало чем отличался от своих прихожан. [6, с.241] Не удивительно, что многие церковнослужители разделяли требование бастовавшего народа об улучшении быта, с надеждой восприняли весть о февральской революции и грядущих переменах.

Экономические проблемы усугублялись духовным кризисом. Уже к 40-м г. XIX в. существующая система подготовка семинаристов требовала срочного реформирования, так как поддерживала не развитие внутренних дарований и талантов учащихся, их человеческих качеств, а процветание лести и лицемерия. Прирожденные пасторы уходили в монастыри, а их место в приходах занимали лица, мало, чем отличающиеся от прихожан, имеющие множество духовных пороков и не способные стать духовными вожаками. Естественно, это подрывало авторитет Церкви, способствовало росту недовольства. Плохой священник, как показала история, приносит не меньше вреда, чем плохой врач, но если последний калечит тело, первый уродует душу. Не всегда праведный образ жизни духовенства

уменьшал веру в народе, словам пастора, который в реальной жизни ничем не выделялся из среды мирян: буянил, дебоширил, крохоборствовал. Все это способствовало развитию сектантства, поддержку которому оказала монархическая власть, приняв 17 апреля 1905 г. указ о веротерпимости и тем самым нанеся удар по православию.

В отличии от центральных губерний России позиции Православной Церкви на Кубани были значительно крепче, чему во многом способствовала специфика складывания кубанского духовенства. Изначально оно комплектовалось из грамотных казаков и было близко населению по духу. В начале XIX века многие образованные казаки, выдержав испытание, возводились в духовный сан, спустя сто лет, в начале XX века нередко дети священнослужителей, оставляли духовное звание и переходили в казачье сословие. Примечательно, что такая привилегия перехода в казачье сословие распространялась лишь на священников, иногородние такой возможности не имели. Таким образом, в кубанской сословной иерархии статус духовенства был значительно выше, чем в России и по своему социальному положению во многом был близок к казачьему сословию. Не удивительно, что Православная Церковь Кубани, несмотря на всесословный характер в первую очередь ориентировалась на удовлетворение духовных потребностей казачества. Тесным взаимосвязям казачества и духовенства во многом способствовало и историческая традиция выборности священства, которая была популярна на Кубани в плоть до начала 40-х гг. XIX века.

С наступлением XX века эта традиция была забыта, вместе с тем общество по-прежнему могло влиять на своих пасторов. Так в начале 1917 г. обсуждая будущее реформирование церкви, епископ Кубанский и Екатеринодарский Иоанн замечал, что ни плохо было бы при назначении священнослужителей учитывать мнение прихожан.[7, с. 407] В это время довольно часто казаки ходатайствовали о награждении лучших

представителей духовенства, наряду с благодарностью прихожане также могли выражать и свое недовольство, но негативные замечания в адрес церковного клира встречались весьма редко.[3] Церковный авторитет значительно укрепляли и войсковые священники, которые пользовались здесь особым уважением.

Вместе с тем, с наступлением XX века духовенство Кубани столкнулось с теми же проблемами, которые стояли перед их коллегами из других регионов России. Несмотря на все усилия войсковых и духовных властей нравственный кризис докатился и до Кубани. Правда, здесь он был менее выраженным. Повсеместное увлечение российской интеллигенции либеральными идеями не были массовым явлением, так же как и мода на игру в демократию, здесь она носила локальный характер.

В то же время, последствия духовного кризиса имели место и здесь, что в первую очередь нашло отражение в ослаблении религиозных чувств в обществе. Несмотря на широкую просветительскую работу духовенства, религиозная культура населения в общей массе оставалась крайне низкой.[2] К началу XX века, на Кубани, как и сто лет назад было ни мало лиц, не знающих православных молитв, либо их искажающих. Вместе с тем, желание исправить положение вещей исходило лишь от церковных властей. Повсеместное открытие воскресных школ для взрослых не давало положительных результатов, из-за невысокого числа учеников. Зачастую, несмотря на старание священников привлечь как можно больше прихожан, воскресные школы оставались полупустыми. Часто в рапортах содержались сообщения такого рода: «В вверенной мне воскресной школе было проведено всего шесть уроков, при чем на первом присутствовало 12 учеников, на последнем 6, да и то они просили прекратить уроки, так как едут на заработки». [1] Таким образом, на Кубани известный закон диалектики перехода количества в качество не действовал, поэтому несмотря на то, что к 1917 г. здесь было создано

свыше 500 воскресных и более 200 церковно-приходских школ уровень религиозного образования по-прежнему был крайне низким.

Падение нравственности отражалась и на крепости семейных устоев. К началу XX века впервые в истории Кубани заметно возрастает число разводов, примечательно, что если сто лет назад к ним относились как к событию из ряда вон выходящему, то к началу XX века это становится обычным явлением. Меняется и причина развода, если в н. XIX века поводом к расторжению брака являлась пропажа мужа или супруги, то через сто лет – супружеские измены. Ослабление религиозных чувств находило отражение и в отношении к посту. Впервые в начале XX века во время великого поста на Кубани не прекращаются театральные представления, а количество постящихся заметно сокращается. Перестают соблюдать кубанцы и постные дни в среду и пятницу. Поэтому поводу некоторые представители кубанского духовенства даже предлагали внести корректировки в церковные правила. «Учитывая, что половина клириков и около тысячи мирян не соблюдают посты отлучение всех их от храма, как это было в древней православной традиции в нынешних условиях не приемлемо».[5, с. 234]

Духовный кризис затронул и слои кубанского духовенства, во многом этому способствовала его неоднородность. К началу XX в. оно состояло как из потомственных казаков и относилось сразу к двум сословиям духовному и казачьему (их дети сами выбирали кем им быть священниками или казаками), так из пришлого, которое несло на себе печать всего российского священства. Это в свою очередь влияло на нерешенность материального вопроса. В то время, когда большинство казачьего духовенства существовали за счет выплат со стороны станичных обществ, полковые священники получали жалованье из войсковой казны, священнослужители же, прибывшие на Кубань из других регионов России, жили исключительно за счет треб.

Все это с одной стороны, создавало зависимость священника от своего прихода (она была даже у священников из казаков), с другой превращало его в обычного земледельца. Постоянная материальная нужда заставляли служителей Церкви больше заботиться не о духовной пищи, а о поисках пропитания для себя и своих домочадцев, из-за чего страдало качество богослужения. Не имея свободного времени на самообразование, священник деградировал в своем развитии и зачастую мало чем отличался от своих прихожан. Не удивительно, что многие церковнослужители разделяли требование бастовавшего народа об улучшении быта, с надеждой восприняли весть о революции и грядущих переменах. Так священник Н. Глаголев в 1906 г. в своей статье, помещенной в Ставропольских епархиальных ведомостях предлагал отменить поклоны, по этому поводу он писал: «Мы духовенство задумали со всей Россией обновиться. Очиститься, Совлечь ветхозаветного человека и вдруг стояние на коленях такая отсталость. Поклоны унижительны по своей бессмысленности. Их можно сравнить с побоями и розгами. Ныне отошедшими в область преданий». [5, с.391]

Начиная с 1905 г. на страницах Ставропольских епархиальных ведомостях велось открытое обсуждение церковного реформирования. Особенно острые дискуссии вызывали вопросы о пенсии и жалование для священнослужителей и о праве голоса во время епархиальных съездов младших представителей церковного клира. [4]

Ситуация усугублялась и политической неоднородностью кубанского духовенства. К 1917 г. в нем наметилось три течения: реформистское, консервативное и радикальное.

Реформистское, представлено было в основном низшими слоями церковного клира и молодыми приезжими священниками, ратовало за коренные перемены, за демократизацию церковного управления, за отказ от многих церковных канонов и за либерализацию церковной жизни. В

последствие именно из этой среды вышли сторонники революции и обновленчества.

Консервативное (как правило, состояло из коренного черноморского духовенства, полковых священников, черного духовенства) выступало за сохранение верности канонам Православия и немедленного восстановления патриаршества. Негативно относилось к революционным событиям.

Радикальное, (на Кубани оно было не многочисленным, в него входили в основном высшие чины белого духовенства и некоторые представители черного), во многом соглашаясь с консерваторами, представители этого течения призывали к более решительным действиям. По их мнению, именно православное духовенство должно возглавить борьбу с революционным движением и оказать содействие восстановлению монархии. Многие из этой среды стали участниками таких организаций как Общество Архангела Михаила и Черная сотня.

Вместе с тем, несмотря на все выше сказанное, по сравнению с центральными губерниями России, позиции Православной Церкви на Кубани были по-прежнему крепки, чему во многом способствовало наличие казачьего населения, большая часть которого оставалась глубоко верующими людьми. В это время единственным разногласием среди духовенства и казачества был материальный вопрос. Казаки не очень хотели содержать свое духовенство, недовольство вызывало и наделение священнослужителей землей из станичного пая. Но конфронтаций на этой почве было не много.

Не случайно, несмотря на негативные последствия манифеста о веротерпимости, позиции православия здесь были все еще сильны, хотя и подверглись некоторым изменениям.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. главным фактором, сыгравшим важную роль в развитии революционных событий, стало ослабление духовности в обществе.

2. нравственному кризису в немалой степени способствовали следующие моменты:

- превращение Церкви в одно из ведомств государства;
- образование двух ипостасей Православия: религиозного и идеологического. Превращение православия в государственную идеологию подрывало доверие к нему как к религии;
- увлечение политической элиты России демократическими лозунгами и ценностями западного общества и широкая их пропаганда;
- ослабление государственной системы патриотического воспитания.

Библиографический список.

1. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК) – Ф.135. – Оп.56. – Д.264. – Л.18.
2. ГАСК. – Ф. 135. – Оп. 47. – Д.5. – Л. 57.
3. ГАСК. – Ф. 135. – Оп. 41. – Д.24. – Л. 7.
4. Ставропольские епархиальные ведомости 1905.
5. Ставропольские епархиальные ведомости 1906. № 34-35. Отдел неофициальный.
6. Ставропольские епархиальные ведомости 1907. № 46-47. Отдел неофициальный.
7. Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь, 1917. № 13-14. Отдел неофициальный.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (dale GASK) – F. 135. – Op 56. – D. 264. – L. 18.
2. GASK. – F. 135. – Op 47. – D. 5. – L. 57.
3. GASK. – F. 135. – Op 41. – D. 24. – L. 7.
4. Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti 1905.
5. Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti 1906. № 34-35. Otdel neoficial'nyj.
6. Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti 1907. № 46-47. Otdel neoficial'nyj.
7. Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti 1917. № 13-14. Otdel neoficial'nyj.